

ОСОБЕННОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ К РОССИИ В XVIII–XIX вв.

В.П. Янишин

Анализируется процесс вхождения в состав России кочевых народов Центральной Азии – казахов и кыргызов; раскрываются особенности и специфика подходов и методов, применявшихся российскими властями в ходе присоединения.

Ключевые слова: межэтнический симбиоз; присоединение; вхождение; подданство; менталитет кочевников; волюнтаризм; родоплеменная структура

История взаимоотношений восточных славян с кочевниками уходит своими корнями в глубокое прошлое. До образования Киевской Руси это были скифы, сарматы, аланы, гунны, болгары, тюрко-хазары, мадьяры. После создания государственности – печенеги, торки, половцы, монголо-татары. В зависимости от конкретной внешнеполитической ситуации характер отношений славян с кочевниками мог варьироваться от союза до набегов и грабежей. В целом же отношения носили взаимовыгодный характер, так как природный ландшафт большей части Восточно-Европейской равнины был непригоден для кочевого скотоводства, что, естественно, резко снижало агрессивные намерения кочевников.

До появления государства у восточных славян контакты носили характер, как правило, межкультурного взаимовлияния, после же образования Киевской Руси они стали все больше приобретать направленность межэтнического симбиоза. Так, часть печенегов, торков, половцев, татар приняла участие в этногенезе русских и украинцев. После образования Российского централизованного государства во второй половине XV – начале XVI в. начался этап вхождения кочевых народов в состав России. Надо отметить, что, накопив огромный опыт отношений с кочевниками, русские власти подходили к этому вопросу взвешенно, не стараясь искусственно ускорять процесс адаптации к новым политическим формам взаимоотношений. Укреплению

российской власти у таких народов, как ногаи, башкиры, калмыки также способствовали их постоянные распри между собой, при этом Россия выступала в роли своеобразного арбитра. Постепенно привыкая к новым порядкам, татары, ногаи, башкиры и калмыки стали составлять часть иррегулярной конницы наряду с казаками, участвуя в войнах России с Речью Посполитой, Швецией и Турцией, что способствовало более тесному объединению в рамках одного государства.

Такая плодотворная политическая линия в отношении кочевников была радикально пересмотрена в годы правления Петра I. В своем стремлении безудержного копирования западноевропейских порядков и подходов, которые зачастую во многом были малоэффективны в приложении к российской действительности, царь-реформатор неоправданно ломал довольно стройную структуру российского общества. Такой волюнтаризм, безусловно, негативно сказался и на отношениях с кочевыми народами, как с теми, кто уже давно находился в российском подданстве, так и с теми, кто еще не вошел в состав России.

Не случайно, что именно в XVIII в. произошло несколько мощных антиросийских восстаний башкир, которые вошли в состав России в 50-х гг. XVI в. **Парадоксальная ситуация** сложилась с казаками: если в XVII в. их набеги на российские границы носили спорадический характер, то с начала XVIII в., когда российские власти стали настаивать на принятии казаками российского подданства исходя из западноевропейских шаблонов, произошла резкая активизация нападений, которые продолжались до 40-х гг. XIX в. Стремление навязать кочевникам совершенно чуждые им порядки, при этом как можно быстрее, давало совершенно противоположные результаты тому, на что рассчитывали российские власти. Основной проблемой во взаимоотношениях стал вопрос о подданстве. С точки зрения российских властей это означало, что кочевники должны согласиться на прямое управление русскими чиновниками, соблюдать российские законы, прекратить барымту, уничтожить институт рабства и по возможности стараться переходить от кочевого скотоводства к оседлости и земледелию. Напротив, кочевые народы за много веков контактов с оседло-земледельческими государствами выработали свое понимание подданства: предоставление своему сюзеру воинских контингентов и иногда – небольшую дань в виде скота, при этом никто даже не допускал мысли о вмешательстве

во внутреннюю жизнь кочевников, заставляя их принимать совершенно чуждые им порядки и законы. Так, туркменское племя йомудов рассматривало подданство как службу за определенную плату, без всякого вмешательства в их внутренние дела [1, с. 855]. При этом надо напомнить, что западноевропейские народы практически не сталкивались с кочевниками в Новое время и абсолютно не представляли их специфическое политическое и социально-экономическое устройство. Отсюда и крайняя неэффективность западноевропейских подходов в отношении кочевых народов Центральной Азии на примере российской политики в XVIII в. **Благодаря такому резкому расхождению в понимании подданства** стали постоянно возникать конфликтные ситуации. Стоит отметить, что родоправители кочевников значительно быстрее разобрались в сложившейся ситуации, усвоив следующее: за слова о признании подданства или покровительства можно просить различные подарки и в случае необходимости обращаться за помощью против соседей. По мере активизации российских или китайских властей, стремящихся заполучить таких “подданных” или принять их под “покровительство”, родоправители стали требовать себе титулы и жалованье, обещая помимо всего прочего еще и “охранять” купеческие караваны, при этом, естественно, настаивая, чтобы караванные маршруты проходили по их земле, что давало им еще один источник обогащения. Так, в 1825 г. на основании показаний купцов полковник Кемпен писал о бугу: “Сии киргизы очень вредны, нередко останавливают караваны, грабят и берут пошлину” [2, л. 4], а в 1827 г. купец С. Попов в донесении тому же Кемпену указывал: “Во время торгова у каменных киргизов и при проходе через оных в Кашгарию платятся там каждому на пути бию сколько оный рассудит взять” [3, с. 129].

В начале 60-х гг. XVIII в. одно из посольств Аблай-хана привезло из Пекина подарков на 4 тыс. рублей [4, с. 170]. Б.П. Гуревич отмечал, что “именно получение подобных подарков было существенным стимулом для организации довольно частых казахских посольств в Китай. Влиятельные владельцы Среднего жуза расказывали русским, что Аблай “подчинился” Китаю “для своих прибытков” [4, 170]. Однако, как только китайцы перестали давать подарки Аблаю, он стал говорить (в 1764 г.), что лучше перейти к России [4, 173]. Такая политика родоправителей не была секретом для Цинского двора. Например, в императорском указе (октябрь 1759 г.) отмечалось, что казахские старшины

едут в столицу империи, рассчитывая на подарки [5, с. 28]. С целью пресечения такой практики указом 1793 г. было запрещено ездить младшим сыновьям и братьям ханов и султанов, поскольку расходы на их “визиты” становились все больше и больше [5, с. 28].

Точно такая же ситуация сложилась и в российско-казахских отношениях. Добившись того, что в 1731–1732 гг. Младший и Средний жузы приняли российское подданство, власти рассчитывали на прекращение набегов на границу, однако уже через два года нападения возобновились [6, с. 43].

М.А. Терентьев отмечал, что “вообще подданство киргиз (казахов. – В.Я.) было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство все-таки ухаживало за ними точно ради славы считаться владыкою киргиз! Ханов заманивали в подданство и удерживали в нем щедрыми подарками, а с 1750 г. и жалованьем. Беспрестанные посольства от ханов походили просто на вымогательство. Действительно, что приобрело, наконец, характер ежегодной дани, и правительство вынуждено было назначить двукратный срок для приезда послов, чтобы не каждый год нести эту новую повинность!” [6, 58].

Что же касается кыргызов, то они в первую очередь установили “контакты” с Китаем исходя из своего географического положения. Не успели китайцы в 1757–1758 гг. занять Восточный Туркестан и войти в соприкосновение с кыргызами, как уже в 1758 г. в Пекин прибыли родо-правители Нише (солто), Тореке (чагыр-саяк), Шукуру (кушчи), Черикчи (сарыбагыш-бугу), которым дали подарки и знаки чиновного достоинства (шарик и павлиньи перья на шапку) [5, с. 45]. Последними, по всей видимости, биями, которые отправляли “посольства” в Пекин, были Хаджибай (адигине), Джамалат и Шаджан (оба – черики), представителям которых китайцы заявили, чтобы они жили мирно с соседями и во всех делах подчинялись указаниям кашгарского и яркендского начальства, только в этом случае они и впредь будут получать подарки [5, с. 45].

Основоположник российской китаистики И. Бичурин указывал, что “подданство считают кочевые торгом совестью, в котором предполагают выиграть по крайней мере 400 на 100, посему, когда находят благоприятный к тому случай, то еще соперничают в готовности изъять подданческое усердие, но если бывают обмануты в надежде (выиграть 400 на 100), то ухищряются мстить набегам, хищничеством, убийством” [7, с. 240].

Такое положение дел заставляло вспомнить некоторые допетровские методы при отношениях с кочевниками – при решении военно-политических задач можно и даже необходимо использовать специфику кочевого общества, в частности перманентное стремление кочевников к столкновению между собой. Так, в 1734 г. обер-секретарю Сената Кириллову было поручено наблюдать за башкирами и казаками и “если те или другие будут волноваться, то употреблять один народ против другого, сберегая русские войска” [6, с. 47]. В 1755 г. губернатор Неплюев использовал против восставших башкир казахов, в результате чего были ослаблены и те и другие, что привело к временному ослаблению набегов на российские поселения [6, с. 68].

Со временем политика усложнялась – помимо прямого противопоставления разных племен и народов российские власти старались при столкновениях кочевников не вмешиваться в них, а занимать выжидающую позицию, чтобы впоследствии получить статус арбитра. Так, в рапорте командующего Сырдарьинской линией командиру отдельного Оренбургского корпуса говорится: “не надо вмешиваться в междоусобные столкновения казахских племен, так как они будут способствовать ослаблению их набегов на российскую территорию” [8, л. 9].

Политика арбитража стала давать неплохие результаты в деле быстрого продвижения России к зимовкам казахов. Поддерживая одно племя против другого, российские власти достигли того состояния, при котором казахи, не имеющие за собой российские войска, довольно быстро понимали невыгодность своего положения и принимали реальное подданство России. В 1851 г., когда готовилась экспедиция генерала Карбышева к укреплению Тойчубек, генерал-майор Яковлев отмечал, что “... не столько преданность, всегда сомнительная в киргизах (казахах. – В.Я.), сколько родовая вражда их может служить порукою, что наймановские киргизы (казахи. – В.Я.) будут полезны экспедиционному отряду” [9, с. 11].

Новым толчком для восстановления отношений с кыргызами послужила активизация российских властей в сфере торговли в Восточном Туркестане в начале 10-х гг. XIX века. Так, в 1813 г., сопровождавая купеческий караван в Аксу, переводчик А.Л. Бубеннов вошел в контакт с бугинскими биями Ширалы и Ниязбеком, которые согласились сопровождать караваны на своей территории и никакой пошлины с них не брать, а также предложили быть посредниками

в торговле с Восточным Туркестаном, Тибетом и Кашмиром [10, с. 584]. Обратное, в Омск, с караваном были отправлены их дети – Качибек Ширалин и Якуб Ниязбеков, которые очень настаивали, чтобы их отправили в Санкт-Петербург за казенный счет для принесения покорности бугу императору [10, с. 585]. Отклонив эту просьбу, командующий войсками Сибирской линии Г.И. Глазенап, рассчитывая на реальную помощь бугу в безопасной провозке караванов в Восточный Туркестан, подарил Качибеку золотую медаль, а Якубу – бриллиантовый перстень [10, с. 585].

Дальнейший ход событий подтвердил давно известную истину: рассчитывать на кочевников в деле охраны купеческих караванов абсурдно, так как по представлениям кочевых родоправителей купцы являлись одним из источников их материального благополучия и крайне сложно было всегда определить, то ли берется слишком большая пошлина за проход через свои земли, то ли идет настоящий грабеж. В 1858 г. Ч.Ч. Валиханов обрисовал “правила торговли” у кыргызов: 1) караван должен заплатить зякет; 2) дать выкуп за свободный проезд; 3) подарки родоначальнику; 4) не должен обходить аулы знатных вождей (т.е. еще поборы. – *В.Я.*) [3, с. 106]. Открытый же новый путь через кочевья бугу очень скоро пришел в упадок по тем же причинам. В декабре 1824 г. в Омск прибыли депутаты от трех родов бугу: белековского (Абулгазы Ширалин), арыктукминского (Хакимбек Ульжебаев), джилденского (Алимбек Джапалаков) [11, л. 21]. В июне 1825 г. отряд под командованием хорунжего Нюхалова прибыл на оз. Иссык-Куль с письмом С.Б. Броневского. Официальная часть мероприятия прошла без эксцессов, и стороны расстались вполне довольные друг другом.

Дальнейшие контакты бугу с западносибирскими властями были прерваны на время кокандцами, которые в 1831 г. подчинили иссыккульских кыргызов. Однако уже в 1842 г. после казни бухарцами Мадали-хана северные кыргызы вернули себе независимость, а следовательно, и возможность сводить счеты с более слабыми племенами. Доминирующую позицию на севере занял сарыбагышский манап Ормон, которого примерно в это время провозгласили ханом. Первой целью усилившегося родоправителя стали бугу, главный манап которых – Боромбай Бекмуратов в 1844 г. после многих безуспешных обращений за защитой к китайцам и кокандцам, избегавших на тот момент вмешиваться в межплеменные распри кыргызов, обращается к русским властям с просьбой о российском под-

данстве [12, с. 107]. Не забывает Боромбай и о традиционной просьбе – отправить посольство в Петербург [13, л. 43]. В ответ на это министр иностранных дел К.В. Нессельроде ответил генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, что так как кыргызы находятся далеко от российской границы, то если их принять в подданство, это приведет к уменьшению авторитета России, так как российские власти не смогут оказать им реальной поддержки, поэтому следует им отказать, но исходя из политических и торговых интересов сделать это мягко и послав им подарки, что и было сделано [13, л. 44].

Весной 1848 г. Боромбай отправляет письмо П.Д. Горчакову с просьбой учредить на Иссык-Куле округ, т.е. принять российское подданство, однако как и в 1844 г. это откладывается до “лучших” времен [14, с. 129], так как в это время наибольший интерес для российских властей представляют сарыбагыши, показавшие свою силу в сражении с Кенесары и не подчиняющиеся Коканду. Для поддержания же “усердия” Боромбая ему высылают подарки [14, с. 129].

Рубеж 40–50-х гг. XIX в. ознаменовался активизацией действий России, Китая и Коканда в отношении кыргызов, которые подстегивали друг друга в этом “соревновании”. Так, в 1849 г. китайцы некоторым манапам-бугу отправили ценные подарки, а Боромбая определили жалованье 10 ямб (слитки серебра. – *В.Я.*) в год и пожаловали шарик высшего достоинства [14, с. 142]. Летом 1850 г. Боромбай пишет письмо П.Д. Горчакову, в котором просит принять депутатов в Омске, для того чтобы “променяться двумя парами слов в личной с Вами беседе”, при этом ничего не говорит о своих связях с китайцами [14, с. 136]. В сентябре 1850 г. наконец-то вспоминает о своем российском “подданстве” и клан Ширалиных, которые опасаются, что Боромбай обойдет их в деле организации посольств и связанных с этим распределением подарков, и направляют письмо капитану К.К. Гутковскому с просьбой об установлении военного поселения в их кочевьях, при этом так же, как и Боромбай не упоминают о китайцах, которым они выплатили подати [14, с. 141].

Приобретая за два года (1850–1851) наглядный опыт “неоднозначности” позиции кыргызских родоправителей, российские власти сделали соответствующие выводы. Так, в феврале 1852 г. генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд в письме к военному министру А.Н. Чернышову писал: “Политика наша в отношении сих кыргызов (солто, сарыбагыши, бугу. –

В.Я.) должна быть, по мнению моему, навсегда ограничиться нарицательным покровительством, не простирая далее наших видов, дабы не сделать их непримиримыми врагами из друзей, хотя в сущности мало полезных, по положениям своим в крепких и мало приступных местах и независимостью от других соседственных сильнейших держав, наши границы ограждающих” [14, с. 151]. Гасфорд предлагал образовать буферное пространство на территории кыргызов, не принимая их непосредственно в подданство.

Политика российских властей в начале 50-х гг. XIX века в Семиречье характеризовалась двумя моментами. С одной стороны, прилагались значительные усилия прекратить взаимные нападения кыргызов и казахов, что позволило России выступить в роли могущественного и справедливого покровителя всех кочевников, а с другой – с целью добиться их реального присоединения российские власти продолжали использовать столкновения. Так, в 1854 г. пристав М.Д. Перемышльский писал, что разрешил казахам отомстить кыргызам, так как это заставит кыргызов смириться и искать российского покровительства [12, с. 181].

В 1855 г. первыми из кыргызских племен приняли российское подданство бугу. Находясь на границе сфер влияния Коканда и Китая и не получая от своего номинального сюзерена – Цинской империи – практически никакой помощи, подвергаясь постоянно нападениям саяков и сарыбагышей, за которыми стоял Коканд, бугу неизбежно, по мере продвижения России к Семиречью, должны были начать искать поддержку у российских властей.

Применяя по отношению к кыргызам ту же тактику, что и к казахам, российские власти защищали бугу от других кыргызских племен. Так, в 1856 г. М.М. Хоментовский с целью обезопасить бугу от набегов сарыбагышей Джантая поощрял нападения казахов на сарыбагышей [15, с. 64]. В 1855–1858 гг. российские власти стремились не допускать столкновений между бугу и сарыбагышами, хотя бугу, приняв подданство России, рассчитывали разгромить сарыбагышей при поддержке русских войск [14, с. 203–204]. Несмотря на то, что бугу являлись подданными России, российские власти старались не вмешиваться в конфликт, полагая, по всей видимости, что в постоянных столкновениях и те и другие ослабнут и тогда наступит момент для России выступить в качестве арбитра между ними, тем более что сами бугу рассматривали свое российское подданство только

в контексте защиты русскими войсками их от других племен, отказываясь от постоянного нахождения русского отряда в их кочевьях. Бугу ожидали, что русские проведут карательную экспедицию против сарыбагышей, а после этого не будут вмешиваться в их внутренние дела. Такие наивные ожидания, конечно, ни в коей мере не устраивали российские власти, стремившиеся прочно обосноваться в Прииссыккулье. Все же, так как бугу официально считались подданными России, в спорах между бугу и сарыбагышами российские власти принимали сторону первых. Так, 1 декабря 1856 г. М.М. Хоментовский предупреждал Уметалы, что еще один неприязненный поступок против бугу с его стороны и тогда русские войска заставят сарыбагышей дорого заплатить за это [14, с. 189]. По предложению начальника Алатавского округа М.Д. Перемышльского арбитром в деле разрешения споров между бугу и сарыбагышами был назначен султан Тезек, которому рекомендовалось, “решая дела между бугу и сарыбагышами по справедливости, иметь в виду более пользу бугинцев” [14, с. 216].

В последующем, когда в 1862 г. был взят курс на присоединение территории северных кыргызов к России. В результате разгрома кокандских войск в 1864–1865 гг. в состав России к 1868 г. вошли Чуйская, Таласская и Иссык-Кульская долины, а также Центральный Тянь-Шань.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Одним из наиболее важных факторов долгого вхождения кочевых народов в состав России являлось диаметрально противоположное понимание термина “подданство”, что приводило к довольно тяжелым конфликтам.

2. Ситуация значительно улучшилась, когда российские власти стали отходить от западноевропейских догм и использовать часть того арсенала методов и подходов, выработанных в процессе взаимоотношений с кочевниками в допетровскую эпоху.

3. С целью решения проблемы обеспечения безопасности своих границ и укрепления власти России в степях одним из самых эффективных способов добиться поставленных целей стало использование политической и социально-экономической разобщенности кочевых племен, что на практике означало занятие выжидательной позиции, так как ослабление противостоящих сторон позволит занять роль арбитра, при этом поддерживая, как правило, более слабую сторону.

Литература:

1. А.Ч. М.Г. Черняев в Средней Азии (на Сыр-Дарьинской линии) // Исторический вестник. 1915. № 6.
2. Дорожник от Семипалатинска до Кашгара, Аксу и индийских владений. Составлен на основании показаний купцов полковником Кемпеном 27.11.1825 г. // Архив РАН РФ. Ф.2. Оп. 1 (1827). Д. 8.
3. Сапаралиев Д.Б. Этнополитическая история Оша и его окрестностей с XVIII до середины XIX века. Бишкек, 1999.
4. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – перв. пол. XIX в. М., 1983.
5. Кузнецов В.С. Цинская империя на рубеже Центральной Азии (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.). Новосибирск, 1983.
6. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: В 3 т. Т. 1. СПб., 1906.
7. Григорьев В.Д. Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1.
8. Рапорт командиру отдельного Оренбургского корпуса от командующего Сырдарьинской линией // РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 76.
9. Серебренников А.Г. Туркестанский край: Сборник материалов для истории его завоевания (1851, 1852, 1840 гг.). Ташкент, 1915.
10. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского министерства иностранных дел. – Серия 1. Т. VII. М., 1970.
11. Донесение начальника Семипалатинского внутреннего округа Кемпена начальнику Омской области С.Б. Броневскому. 22. 11. 1824 г. // ЦГА РК. Ф.и. 338. Оп. 1. Д. 350.
12. Джамгерчинов Б. Очерк политической истории Киргизии в XIX веке (первая половина). Фрунзе, 1966.
13. Отношение министра иностранных дел К.В. Нессельроде генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, ноябрь 1844 г. // ЦГА РУз. Ф.и. 105. Оп. 1. Д. 5.
14. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сборник документов и материалов. Бишкек, 1998.
15. Джамгерчинов Б. Очерки политической истории Киргизии в XIX веке. Фрунзе, 1966.